

ТИНЬКОВ А. В. — в ПРОКУРАТУРУ

ТИНЬКОВ Александр Владимирович, родился в 1881 (дворянин и помещик). Окончил кадетский корпус и военное училище. Кадровый офицер русской императорской армии, в 1914 — на фронте, был контужен, попал в плен, в июле 1917 — вернулся из плена и лежал в эвакуационном госпитале. В 1918 — в Красной армии, участвовал в борьбе с армией Юденича, в подавлении Кронштадтского восстания, занимал ответственные командные посты, в 1920-х — преподавал во Всеобуче. В середине 1920-х — после демобилизации работал в учреждениях Ленинграда, в конце 1920-х — арестован, но через день был освобожден¹. С 1924 — женат на Полине Матвеевне Александровой. В марте 1935 — выслан с женой из Ленинграда в Атбасар Карагандинской области на 5 лет².

АЛЕКСАНДРОВА Полина Матвеевна, родилась в 1891, в крестьянской семье. С 1902 — после смерти отца работала на Путиловском заводе, экстерном сдала экзамены на звание народной учительницы, с 1909 — работала телефонисткой на телефонной станции. В 1924 — вышла замуж за Александра Владимировича Тинькова. В марте 1935 — выслана с мужем из Ленинграда в Атбасар Карагандинской области на 5 лет.

В марте 1936 — Александр Владимирович Тиньков обратился с заявлением в Прокуратуру.

<27 марта 1936>

«В прокуратуру Союза СССР

Тинькова Александра Владимировича,
жив<ущего> в г<ороде> Атбасаре по
ул<ице> Бела-Кун, <дом> 42.

Заявление

20/III – 1935 г<ода>, после 3-х дневного ареста, я был выслан из Ленинграда в Атбасар.

Почти год, прожитый мною здесь в ссылке, был для меня большой самопроверкой. Но и теперь, как и тогда, когда разразился надо мной этот удар, я не могу считать применение ко мне этой меры справедливым.

Я был в числе первых из прежних кадровых военных, признавших власть советов, вошедших в Красную Армию, и за долгие годы работы в Красной Армии и в гражданских советских учреждениях, за годы активного участия в советской профсоюзной работе (с 1918 г<ода>) я прошел основательную советскую школу и полностью воспринял величайшие цели и задачи, поставленные партией и советской властью. С 1917 г<ода> я стал на советские рельсы, был в Красной Армии в ответственные моменты, как наступление Юденича, Кронштадтское восстание, занимая в ней ответственные посты, работал по военной подготовке рабочих (Всеобуч) на заводах и фабриках Ленинграда, честно выполняя свой долг и никогда ни в Красной Армии, ни на гражданской службе не подавал повода к каким-либо взысканиям.

Под судом и следствием не был, арестам не подвергался. В белых армиях не был и у них не служил. До самой высылки был на советской работе.

В объявленном мне в конце 1935 г<ода> постановлении о моей высылке указано, что я быв<ший> дворянин, помещик и капитан царской армии. Однако, мое прошлое вовсе не было таким, чтобы сделать меня сторонником класса, к которому я формально принадлежал. Моя семья жила в нужде. Отец умер в 1888

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 346. С. 221-223.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1310. С. 31-37.

г<оду>, когда мне было 7 лет. Тогда же бывшее у него небольшое имение (десять<ин> 150) в Орловской губ<ернии>, заложенное и перезаложенное, было ликвидировано. Я был тогда, почти 50 лет тому назад, ребенком. Я рос не в родовой помещичьей усадьбе, а в тяжелых условиях нужды, воспитывался матерью, оставшейся с семьей в 6 человек на получаемую ею вдовью пенсию в 40 руб<лей> в м<еся>ц за 25-летнюю службу моего отца, бывшего мелкого чиновника в канцелярии дворянского собрания. В корпус, а оттуда на военную службу, я попал только потому, что матери удалось меня туда определить на казенный счет.

На военной службе я был пехотным офицером в небольших чинах и жил на скудное жалованье. Во время войны вынес все лишения и опасности фронта наравне с солдатами своей роты. Перенес жестокую контузию. Контуженным с поля боя был взят в плен, в котором был 2 года. Возвращен из плена (больным) в июле 1917 г<ода> и до конца этого года лежал в эвакуационном лазарете.

Переход к новому строю, к власти трудящихся, после войны и плена совершился для меня легко и быстро. К нему я был подготовлен тем, что фактически я никогда не был в стане эксплуататоров.

Во время наступления Юденича и осадного положения Петрограда мне поручено было формирование и командование ротой рабочих завода "Треугольник". За готовность завода к обороне, в каковом деле была немалая доля моего участия, заводу было дано Красное Знамя.

При Кронштадтском восстании был командирован в райком 1-го района, где формировал и командовал ротой Особого Назначения.

В течение почти года был помощником Череповецкого Губ<ернского> военкома по военной подготовке трудящихся.

Прилагаю выписку из послужного списка.

Мое дворянское и помещичье происхождение, как указано выше, было относительное, и служба в царской армии при допросе создали против меня предубеждение. Мои заявления о том, что и раньше мое материальное положение вовсе не предопределяло мировоззрения, свойственного правившим и имущим классам, и что, если раньше у меня — армейца со скудным образованием, какое давали корпус и военное училище — не было твердо определившихся взглядов на социальные взаимоотношения, то моя послереволюционная жизнь и работа в ногу с трудящимися привели к полному перерождению и просветлению, — эти мои объяснения встречались с недоверием. Следователь убеждал меня в том, в чем сам был убежден, в чем я не в силах был его разуверить, что я остаюсь идеологически чуждым советской власти и не могу этого не подтвердить. Продолжительная дискуссия на эту тему привела к тому, что мне стало безразличным, как будут изложены мои показания в протоколе допроса, я его подписал, несмотря на то, что в нем есть место, которое я пытался долго оспаривать — о моей идеологической чуждости. Возможно, что тут сыграло роль мое болезненно-нервное состояние. Я подписал протокол с этим незаслуженно губящим меня подтверждением, думая тогда, что никто, кроме меня, от этого не пострадает.

Но вместе со мной — и это для меня наибольшая тяжесть в моем положении — мою ссылку разделяет жена Александрова Полина Матвеевна, для которой эта ссылка — величайшая трагедия. Моя жена по происхождению и по работе глубоко советский человек, года рождения 1891 г<ода>. Отец ее из крестьян Тверской губ<ернии>, ж<елезно>-д<орожный> рабочий-грузчик. Умер, когда она была ребенком. На руках неимущей, неграмотной матери осталось 6 малолетних детей. Жили за Нарвской заставой в районе Путиловского з<аво>да, в условиях крайней нищеты. С 11 лет жена уже работала на фабрике, получая 12 руб<лей> в м<еся>ц. Самоучкой занималась по ночам, училась и экстерном сдала экзамены на звание народной учительницы. Это образование дало ей возможность поступить на телефонную станцию телефонисткой. На Ленинградской телефонной станции она прослужила с 1909 г<ода> непрерывно все 26 лет до самой высылки,

не имея за все время ни одного взыскания, неоднократно премировалась. Была активной профсоюзной работницей (предс<едатель> производ<ственного> совещания, предс<едатель> Рев<изионной> комиссии Кассы Взаимопомощи и ряд других общественных нагрузок). В течение ряда сессий непрерывно была нар<одным> заседателем Нар<одного> суда.

Жена моя никогда не соединила бы своей жизни с моей (мы поженились в 1924 г<оду>), если бы у нее были сомнения в том, что я стою твердо и безоговорочно на советской платформе.

Все указанное, как мне кажется, дает мне право обратиться с просьбой пересмотреть мое дело и дать мне возможность оставшуюся мне недолгую уже жизнь отдать на общее, привязавшее и меня к себе, дело социалистического строительства, которым в огромном порыве охвачена вся советская страна.

Если же не будет признано возможным удовлетворить эту мою просьбу и я останусь в своем настоящем положении, то я прошу освободить жену от необходимости делить со мной горькую мою судьбу, дать ей полную реабилитацию, вернуть ее на тот путь, на котором она была и будет работником, полезным советской стране.

27 марта 1936 г<ода>.

Тиньков.

Г<ород> Атбасар

Карагандинс<кой> обл<асти>»³.

---

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1528. С. 151-152. Автограф.